

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 14-го Июня 1909 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9712.

КАРТИНА.

Бѣлые, нѣжныя женскія руки
Мягко по клавишамъ ходятъ рояля.
Голосъ—не голосъ, и звуки—не
звуки,
Стоны сбѣгаютъ въ вечернія дали.
Стоны въ вечерней безбрежности то-
нутъ..
Кажутся звуки таинственно—глуше...
Въ клавишахъ бѣлые ангелы сто-
нутъ,—
Бѣлые ангелы, дѣтскія души.
Тихо свиваются, какъ сѣть паутины,
Бѣлые, нѣжныя, свѣтлыя сказки...
На ухо сядутъ, нашепчутъ картины
Сказочной нѣжности, бархатной ла-
ски.
А за окномъ, гдѣ сквозь темныя
стекла
Лампа бросаетъ свой отсвѣтъ туман-
ный,
Тамъ, гдѣ земля подъ дождями на-
мокла,
Стонетъ въ отвѣтъ кто-то, странный
и пьяный:
Бранью глушить бѣлыхъ ангеловъ
рѣчи,
Больно обидой задѣтъ безобразной:
Ангеловъ рѣчи, какъ Божіи свѣчи,—
Онъ же такой некрасивый и гряз-
ный.

Семенъ Губеръ.

С. Д. Сазоновъ,
новый товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ.

ПРИЗРАКИ СЧАСТЬЯ.

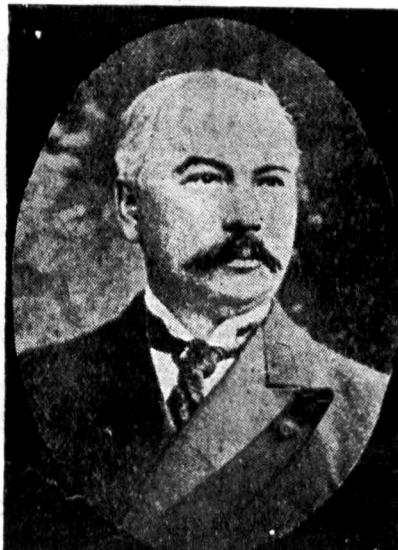
Съ французского.

Умная и красавая г-жа Х..., съ кото-
рой я часто встречался въ Парижѣ у
своихъ знакомыхъ и въ театрѣ, на вы-
ставкахъ, не имѣла другихъ желаній,
мыслей, цѣлей, смысла жизни, кромѣ
желанія нравиться и возбуждать къ
 себѣ страсть. Казалось, что ея глаза,
улыбка, позы, всѣ ея движенія, все бы-
ло направлено въ эту сторону.

Быть около нея и не желать ея бы-
ло бы такъ же немыслимо, какъ немыс-
лимо обходиться цвѣтку безъ солнца,
и она сама, какъ бы согрѣваемая солн-
цемъ, распространяла вокругъ себя
атмосферу самаго утонченного сладо-
стія.

Поэтому и потому еще, что никто не
могъ связать ея имени съ чѣмъ бы то
ни было именемъ изъ окружавшихъ
ее мужчинъ, и потому еще, что туале-
ты ея, по своей роскоши, далеко пре-
восходили тѣ средства, которыя ей
могъ доставлять ея мужъ, о ней ходи-
ли дурные толки.

Что касается меня, то послѣ трех-
мѣсячнаго усерднаго ухаживанія за
ней, я не подвинулся ни на одинъ шагъ
впередъ. Она увлекала меня своими
взглядами, улыбками, сулила счастье,
то полунамеками, то слишкомъ ясны-
ми словами, которыя обладали свой-
ствомъ разсѣяться на воздухѣ, какъ
только она ихъ произносила, словомъ,
я находился въ послѣдней стадіи ис-
тощившагося терпѣнія.

Ф. Ф. Мартенсъ,
извѣстный знатокъ международного
права. Скоропостижно скончался
7 июня на станціи Валкъ.

— Берегитесь, грозилъ я ей. Вы иг-
раете въ опасную игру, я не позволю
вамъ этого, я чувствую себя способ-
нымъ на все.

— Неужели? Даже на насилие?..

— Если понадобится, отвѣчалъ я.

Она засмѣялась, а затѣмъ все такъ
же продолжала глядѣть на меня и из-
дѣваться надо мною.

Мы были въ этотъ вечеръ вмѣстѣ
въ гостяхъ, и изъ боязни наговорить
ей слишкомъ много, я старался не
говорить съ ней совсѣмъ, ожидая бо-
льшѣ подходящаго случая. Я изобрѣлъ

его въ тотъ же вечеръ; уйдя раньше
ея, я поджидалъ ее у подъѣзда, когда
она собиралась сѣсть въ карету.

* — Простите, остановилъ я ее, мнѣ
необходимо съ вами поговорить.

Она улыбнулась.

— Это о насилии?..

— Вы его заслуживаете, сказалъ я.

Въ эту минуту я ее больше ненави-
дѣлъ, чѣмъ любилъ. Потерявъ всякое
самообладаніе, я началъ засыпать ее
упреками: она позволяла ухаживать за
собой, кокетничала, увлекала, она сдѣ-
лала изъ меня раба, мальчишку... И
такъ какъ она притворилась ничего не
понимающей, драпируясь своей непри-
ступностью, то мысль, что она стро-
итъ изъ меня дурака, увлекла меня въ
моемъ негодованіи въ такой степени,
что я сталъ ей слишкомъ прозрачно
намекать на туалеты.

Она смолкла, съ яснымъ выражені-
емъ обиды на свое прекрасное лицо. Я
было уже пожалѣлъ о своей
грубости и хотѣлъ взять свои слова
обратно, какъ она сказала:

— Такъ вотъ въ чёмъ вы способны ме-
ня подозрѣвать. Вы этимъ самымъ за-
ставляете меня сказать вамъ правду.
Мои туалеты не принадлежатъ мнѣ.
Мнѣ ихъ присылаютъ изъ большихъ
модныхъ магазиновъ, я беру ихъ на
домъ, чтобы подумать, а затѣмъ на
завтра отсылаю ихъ обратно, говоря,
что я раздумала, и что выберу себѣ
другой.

— Но если вы испортите вашъ туа-
летъ, сдѣлаете пятно или разорвете?

— О, если бы вы знали, въ какомъ я
вѣчномъ страхѣ изъ-за этого. Я про-
сто дрожу, такъ какъ я не въ состоя-
ніи буду заплатить.

Я задыхался отъ гнѣва. Чудовищная
мысль о мести осѣнила меня; я зналъ,
что то, что я сейчасъ сдѣлаю, отвра-
тительно, но всякое зло по отношенію
къ этой женщинѣ мнѣ казалось въ ту
минуту такимъ естественнымъ. Я даже
еще ясно не сознавалъ, что сдѣлаю,
какъ рука моя уже опустилась въ кар-
манъ и вытащила оттуда складныя
ножницы.

— Что вы хотите сдѣлать? содрогну-
лась она.

— О, пустяки, отвѣчалъ я хладно-
кровно, разрѣзать...

И тутъ же я рѣзнулъ во всю длину
матерію на ея юбкѣ.

— Ну, а теперь надо же, чтобы кто
нибудь заплатилъ, прошипѣлъ я.

— Вы сумасшедший, кричала она.

Ея глаза наполнились тревогой: ска-
зать-ли мужу, заставить ли меня зап-
латить, или обратиться къ кому ни-
будь другому? Но несомнѣнно, что въ
данній моментъ она прежде всего боя-
лась огласки, скандала. Я использо-
валъ ея колебаніе, чтобы убѣждать ее:

— Да, да, я сумасшедший, но она
меня довела до этого. Зачѣмъ она такъ
издѣвалась надо мною? За туалетъ я
заплачу, вообще это неважно, но главное,
не можетъ же она вернуться къ
мужу въ такомъ видѣ. Пусть она за-

ъдеть ко мнѣ, и моя горничная въ одну минуту приведеть все въ порядокъ.

Я думалъ, что она меня ударить, выругаеть, прогонить. Но она даже не запротестовала, когда я даваль свой адресъ кучеру. И пока мы Ѹхали, грусть моего нелестнаго поступка какъ будто-бы немного исчезла, смягчилась, какъ смягчилось и выраженіе на ея лицѣ.

— Пе крайней мѣрѣ, меня никто у васъ не увидитъ?

— Абсолютно никто. Притомъ, увѣряль я, вводя ее въ подъездъ своей квартиры, это дѣло одной минуы.

— Думаете ли вы, говорила она мнѣ, сидя, въ ожиданіи исправленія своего туалета, что въ избѣженіе огласки, вы заставите меня сдаться вамъ или бояться васъ? О, нѣтъ, я не дойду ни до того, ни до другого. Вы заплатите за туалетъ, вѣтъ все, что вы выиграли въ этомъ дѣлѣ. Насиліе, говорили вы мнѣ? Я этого не боюсь... Лучшее орудіе самозащиты женщина несетъ въ самой себѣ. Я чувствую себя сильно вооруженной...

Зачѣмъ же, спросите вы меня, продолжала молодая женщина, пристально глядя на меня своими красивыми, такъ хорошо знакомыми мнѣ глазами, зачѣмъ я играю, увлекаю, хочу поклоненія, даю авансы?..

— Затѣмъ, что вамъ, мужчинамъ, только это и нужно... Вамъ не нужно ни чувства, ни привязанности. Женщина, принадлежащая вамъ хоть одинъ разъ, теряетъ для васъ свое обаяніе... И мнѣ, мнѣ теперь нуженъ, хотя бы искусственный интересъ къ жизни. Жизнь, сама по себѣ, мнѣ ничего хорошаго не дала, продолжала она упавшимъ голосомъ,—мнѣ нуженъ только подъемъ, безъ разочарованій, безъ слезъ, безъ ужаса разлуки. Мнѣ теперь, какъ вамъ, нужно только волненіе, игра... Въ ней мы еще находимъ настроение... Не портите же его... Я хочу оставаться для васъ „настоящимъ“, пока мнѣ это удастся...

И когда моя гостья приводила въ порядокъ свой туалетъ, чтобы оставить мою холостую квартиру, я, окончательно обезоруженный искренностью ея признанія, стоялъ точно принужденный въ глубокомъ раздумъи.

Наблюденія надъ жизнью прекрасной молодой женщины нашли (свою правдивость откликъ въ моей, еще не окончательно опошленной душѣ).

„Намъ, инвалидамъ жизни“, мысленно и съ грустью соглашался я, нужны только поиски счастья, само счастье для насъ перестало существовать.

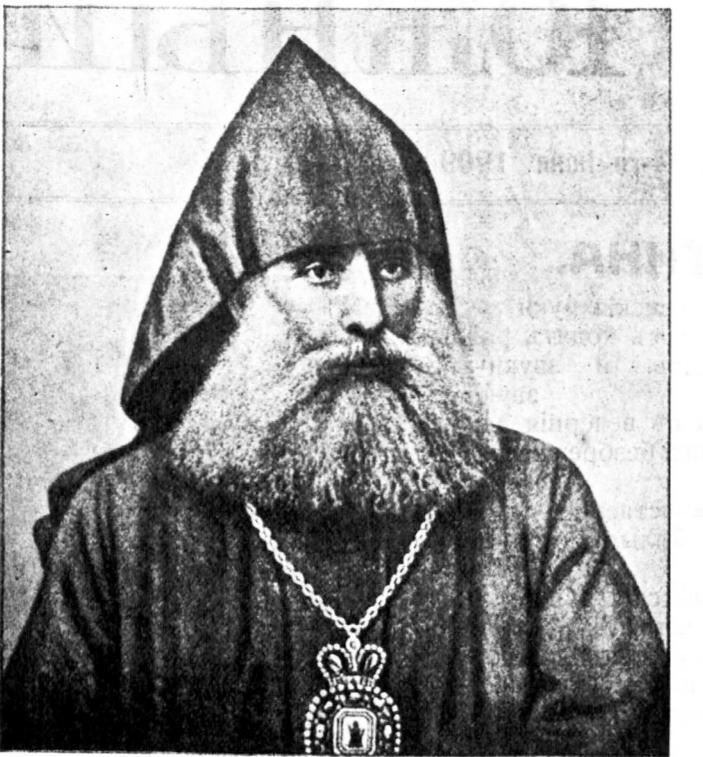
ПЕРВЫЙ ПОЦѢЛУЙ.

(Съ французского.)

Гроза сломала и почти уничтожила розовый кустъ.

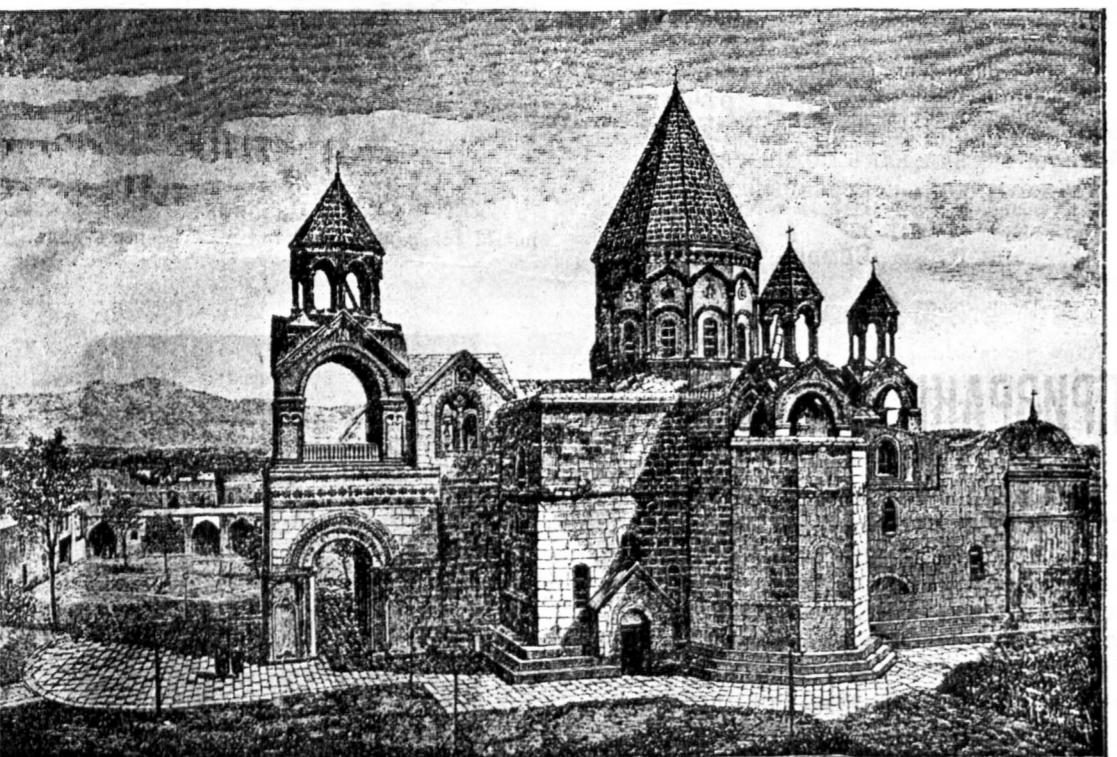
Цвѣточки, которые были недавно еще свѣжіе, какъ уста Венеры, напоминаютъ теперь своимъ неопределѣннымъ цвѣтомъ поблекшія уста актрисы. Сильная тоска охватываетъ меня, и я вспоминаю забытую могилу на кладбищѣ подъ тѣнью плаучей ивы. Это—могила молодой девушки—священное мѣсто, гдѣ покоятся невинность, куда меня часто переноситъ моя фантазія въ минуты меланхоліи.

Удобно-ли тебѣ лежать, моя малют-

Маттеосъ II Измирланъ.

Новый армянский католикосъ.

Эчмїадзинъ.

Резиденція католикоса всѣхъ армянъ.

ка? Я никогда бы не повѣрилъ, что отвратительные черви посмѣютъ коснуться твоего молодого тѣла, сотканаго изъ эаира и свѣта. Ты, быть можетъ, немного поблекла, но, какъ цвѣточекъ между листами книги, который сохраняется въ себѣ свой чудный ароматъ и свѣжія краски. То не могильные черви, которые движутся вокругъ тебѣ! то—разноцвѣтныя бабочки, онѣ машутъ своими блестящими маленькими крылышками; то—творенія радужного цвѣта, они созданы изъ того вѣчнаго праха, который твоя душа стянула съ себя на землѣ, подымаясь въ небо. Быть можетъ, какая-нибудь воспоминанія нарушаютъ иногда твой вѣчный покой? Да, я увѣренъ, что и тебя посѣщаются сладкіе сны.

Однажды мы встали оба очень рано.

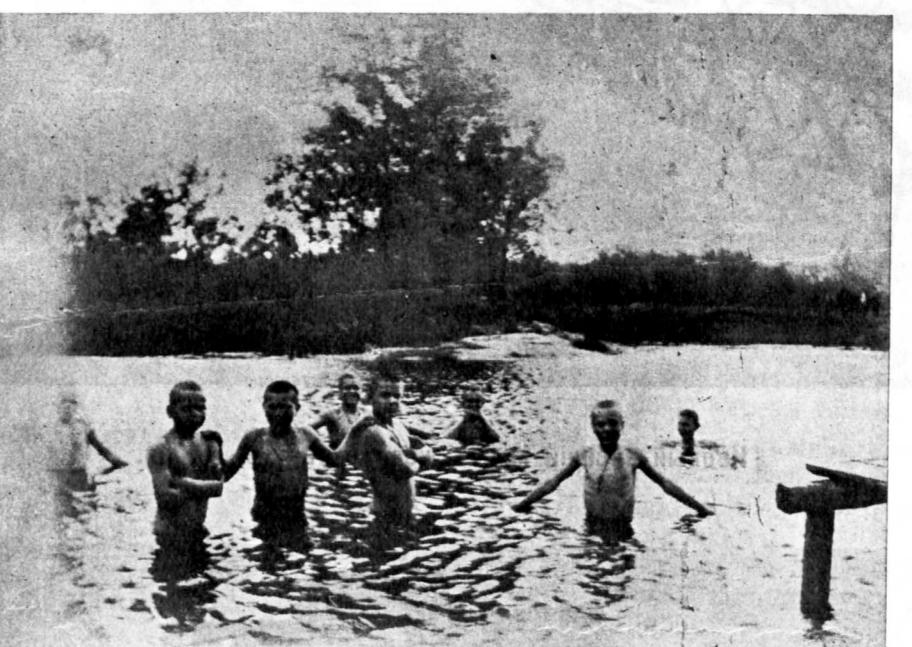
Начало только свѣтать, розоватая тьма возвѣщала близкое наступленіе утра; такъ какъ мы были тогда еще очень молоды, то и въ нашихъ душахъ господствовала та неопределенная сладкая полутьма, которая возвѣщаетъ божественное наступленіе утра первой любви.

Мы быстрошли мимо домовъ съ наружно закрытыми ставнями и очутились, наконецъ, въ долинѣ, усаженной прелестными тополями. Восходящее солнце окрасило далекій край горизонта кроваво золотистымъ цвѣтомъ. Подъ дрожащимъ лучомъ свѣта просыпалась жизнь. Вся природа радовалась и съ улыбкой привѣтствовала мерцающее наступленіе дня; легкій вѣтерокъ раз-

Харьковскій пріютъ малолѣтнихъ преступниковъ.

Воспитанники пріюта съ директоромъ Г. П. Кіановскимъ въ центрѣ, справа воспитатель А. П. Негреба, слѣва—А. Г. Мякишинъ.

Купанье воспитанниковъ

харьковскаго пріюта малолѣтнихъ преступниковъ въ р. Лопани, протекающей черезъ усадьбу пріюта.

гонялъ облака; поля риса и пшеницы волновались, какъ море, и жаворонки подымались вверхъ съ легкимъ шумомъ.

И я радовался вмѣстѣ съ природой, ожидая твоего обѣщаннаго поцѣлуя. Вчера ты мнѣ сказала:—ты вѣль себя хорошо, поэтому я тобою довольна. Ты не пожиралъ меня своими влюбленными глазами и не пытался сохранить на память мою ленту и перчатки, когда я сняла ихъ, чтобы сыграть „ночную фантазію“ Фіельда; вънаграду за это я обѣщаю тебѣ поцѣлуй; но не здѣсь, не въ домѣ, не въ углу гостиной я дамъ тебѣ его и не въ тѣнистыхъ аллеяхъ сада, а гдѣ-нибудь въ тихомъ уединенномъ мѣстечкѣ, гдѣ никто не могъ бы насть нечаянно застигнуть. Я умру со стыда, если кто-нибудь узнаетъ объ этомъ поцѣлуй.

Я больше тебѣ не беспокоилъ, я со-зывалъ, что для первого поцѣлуя не-обходимъ такой уголокъ, который скрытъ далеко въ чащѣ лѣса. Среди долины тамъ внизу течетъ маленький

ручекъ, онъ окаймленъ зеленющи-ми лугами и рощами—тамъ чудное мѣсто для насъ, туда не проникнетъ ни одинъ любопытный взоръ.

— Пойдемъ къ ручью!—сказалъ я.

— Если хочешь, пойдемъ!—отвѣтила ты краснѣя и вздохнула.

— Неужели тебѣ такъ трудно дать мнѣ обѣщанный поцѣлуй, злая ты дѣвушка?

Когда мы подошли къ ручью, я взялъ тебя за руки и, близко наклонясь къ твоему лицу, всмотрѣлся въ твое ясное, свѣжее лицо, въ твои краснѣя губки. О, почему ты не обѣщала вмѣсто одного поцѣлуя дать мнѣ два, три, четыре или пять—въ ротъ, въ глаза, въ щеки? Я все ближе на-клонялся къ тебѣ, а ты все отклонялась назадъ. Злая ты дѣвушка—вотъ такъ-то ты держишь свое обѣщаніе.

Но вотъ я уже чувствую опьяняю-щее дыханіе твоихъ протянутыхъ устъ, какъ—вдругъ, совсѣмъ близко около насъ послышалось пѣніе прачекъ, ко-торыя приближались къ ручью съ кор-зинами мокраго бѣлья. Я осмотрѣлся, но тебя уже не было—ты исчезла. Я нашелъ тебя далеко отъ ручья, въ чащѣ лѣса, недалеко отъ Доминикан-скаго монастыря. Ахъ, ты маленький чертенокъ! Теперь ужъ не уйдешь отъ ме-ня!—ты тиха, разстроена и дрожишь, какъ лихорадкѣ. Я держу тебя въ сво-ихъ объятіяхъ и почти касаюсь твоихъ губъ, чтобы... Высокій доминиканецъ съ длинной бѣлой бородой, одѣтый въ бѣломъ, медленно проходитъ мимо насъ. Наконецъ, намъ все-таки уда-лось найти уединенное мѣсто около берега рѣки, недалеко отъ моста съ деревянными перилами; тамъ находи-лось углубленіе, имѣвшее видъ гнѣза, вымощенное мхомъ и листьями. Кругомъ растущія тѣнистые деревья об-разовали надъ нимъ родъ крыши.

Напрасно ты умоляла:—Подожди не-много, кто-нибудь можетъ пройти и насъ замѣтить!—Напрасно... Вдругъ ты вскочила, какъ ужаленная. На мо-сту стоялъ человѣкъ съ палкой въ ру-кахъ и не спускалъ съ насъ своихъ глазъ. Онъ, безъ сомнѣнія, видѣлъ по-цѣлуй, такъ какъ смотрѣла на насъ съ такой иронической улыбкой, точно хотѣлъ насмѣхаться надъ нами.

Конецъ всему! Конецъ! Теперь всъ узнаютъ о нашемъ поцѣлуѣ... Скоро начнутся сплетни, о насъ заговорить весь городъ. Хуже всего было то, что мы не имѣли другого пути, чтобъ вер-нуться домой, какъ черезъ тотъ мостъ, на которомъ стоялъ нашъ проклятый свидѣтель. Ты закрыла лицо руками и горько плакала. Я не зналъ, чѣмъ тебя утѣшить. Горе раздирало мое сердце. Ты меня ненавидишь; я вино-вать—ничего бы не случилось, если бы я не настаивала на поцѣлуй. О, клянусь больше не цѣловать тебя ни сегодня, ни завтра, быть можетъ, никогда! Ты меня больше не любишь, не проведешь со мной времія, не будешь мнѣ улыбаться изъ окна... Мнѣ было такъ я хотѣлъ броситься въ воду.

— Мы должны уйти отсюда! прогово-рила ты медленно и серьезно—ни-чего не поможетъ, мы должны, нако-нецъ, пройти мимо того страшного че-ловѣка.—Я пошелъ за тобой съ опу-щенной головой. Не успѣли мы подой-ти къ неподвижному чезнакомцу, какъ ты разразилась неудержимымъ смѣ-емъ.

хомъ и позволила мнѣ поцѣловать тебя долго-долго. Свидѣтель, такъ напугавшій насъ, заслышиавъ наши шаги, протянулъ намъ жестянную коробку, въ которой звенѣли нѣсколько мѣдныхъ монетъ, и слабымъ старческимъ голосомъ умолялъ:

— Подарите что-нибудь бѣдному слѣпому.

Здѣсь конецъ идилліи. Гроза прошла. Кругомъ моего балкона опять сияетъ солнце и золотисто мерцааетъ сквозь листву деревьевъ. Облака медленно исчезли, и на холмѣ, гдѣ растетъ розовый кустъ, распускаются прелестныя почки, сияющія росистыми каплями и пахнущія, какъ уста молодой красавицы. Мое сердце вновь оживаетъ, и я чувствую тихое дрожаніе счастья.

СМѢСЬ.

Сонная болѣзнь.

Болѣзнь эта была давно извѣстна въ тропической Африкѣ, но встрѣчалась лишь мѣстами и поражала сравнительно немногихъ особей, главнымъ образомъ туземцевъ (очень рѣдко европейцевъ). Но дѣть 6—7 тому назадъ она приняла характеръ эпидеміи, особенно въ англійской и германской восточной Африкѣ и въ государствѣ Конго. Въ Угандѣ (около большого озера Викторія Ньязиа) вымерло отъ этой болѣзни за послѣднія семь лѣтъ болѣе 200,000 человѣкъ. Въ государствѣ Конго на берегахъ озера Танганьики болѣзнь эта была неизвѣстна до 1903 года, а съ этого времени въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ здѣсь вымеръ цѣлый рядъ селеній. Европейцевъ умерло сравнительно мало, но все-таки десятка два. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ выздоравливаютъ отъ этой болѣзни; для громаднаго большинства исходъ ея смертельный. Болѣзнь эта вызывается особымъ микробомъ (Трурапо-ома), проникающимъ въ кровь человѣка благодаря укусамъ муки це-це и одного вида москитовъ.

Этическій бракъ.

Заграницей одно время былъ въ модѣ среди радикальныхъ классовъ такъ называемый гражданскій бракъ, заключаемый безъ участія церкви. Парочка являлась къ судѣ, и онъ записывалъ имена новобрачныхъ въ книгу. На этомъ обрядѣ вѣнчанія и заканчивался. Такое формальное, лишенное поэзіи и торжественности, вѣнчаніе не удовлетворяетъ многихъ жениховъ и въ особенности невѣстъ.

И вотъ теперь возникъ новый типъ брака, «этическій». Вотъ ритуалъ вѣнчанія. Въ залу подъ звуки марша входятъ гароженная невѣста и женихъ. Здѣсь кто-нибудь вслухъ читаетъ слова сонета Шекспира «объ истинномъ бракѣ». Затѣмъ говорятъ объ обязанностяхъ мужа и жены. Женихъ беретъ руку невѣсты, и оба по очереди произносятъ обѣть: «любить другъ друга до смерти». Обмѣниваются кольцами, и «вѣнчаніе» окончено.

Ивовый висячій мостъ черезъ рѣку въ Индіи.

Арка сераскеріата въ Константинополь.